

«Теперь я единственный член Государственной думы, который удержался на свете»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-274-275>

🎙 7 января 1973

Собеседник

Шульгин Василий Витальевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 7 января 1973 и опубликована 8 ноября 2018.

Введение

Третья беседа посвящена участию Василия Шульгина в деятельности Государственной думы, революции и событиям внутри Белого движения. Шульгин рассказывает о трагической гибели двух своих сыновей: один погиб при обороне Киева от петлюровцев в 1918 году, другой через два года был тяжело ранен и позже умер в психиатрической лечебнице. «Я был один из людей, который вызвал французскую интервенцию», — вспоминает Шульгин. Действительно, после вторжения немцев в Киев в своей газете «Киевлянин» он написал отчаянную статью, которая повлияла на решение французских властей. Позднее он стал издавать газету «Россия», которая на время стала печатным органом деникинской армии. Отдельного внимания заслуживают сравнения двух командующих Белой армии — Антона Деникина и Петра Врангеля. О последнем он вспоминает как о человеке, любившем пирушки и танцевавшем лезгинку, «причем из револьвера все время под ноги стреляли». Заканчивается беседа рассказом об эвакуации Белой армии в Константинополь.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Ну, Василий Витальевич, значит, мы сейчас приведем в порядок, действительно... Хочется, чтобы наша беседа с вами в совокупности с написанным вами книгами, осуществленными в печати и так и не изданными, составляли что-то цельное.

Василий Витальевич Шульгин: И неизданными тоже.

В. Д.: Да, и неизданными тоже, конечно, потому что все охватить невозможно, если вы что-то написали... Вы очень сочно, так сказать, выразительно рассказали детство, тут есть совершенно такие живые портреты вашего отца, мать, отчима. Вероятно, по своему материалу бедней получилась школа, но вы объяснили: потому что вам там было скучно. *(Усмехается.)* Потом опять очень хорошо получилась армия. А армия уже, в сущности, дает ту среду, в которой вы находились в момент, с которого начинаются «Дни».

Но меня вот еще интересовало... «Дни» — это вообще вместе с тем книга, написанная прежде всего деятелем Государственной думы, а вот про то, как вы стали членом Государственной думы и о Государственной думе, вы ничего не рассказали. Вот скажите сейчас. Вы говорите, что вы где-то это писали? Вот сформулируйте...

О книге «Годы»

В. Ш.: Давайте мне микрофон, я скажу.

В. Д.: Да-да, конечно, вот он микрофон, скажите, пожалуйста. И вот то, что вы... Да-да.

В. Ш.: На чем мы остановились?

В. Д.: Мы говорили уже о другом, сейчас мы начинаем заново главу. Вот вы говорили о вашей солдатской, фельдфебельской и офицерской службе. И эта глава закончена. А теперь, значит... Ну вот о ваших отношениях с крестьянами, и что нужно — скажите, а что можно — сошлитесь. Вы говорите, что книга еще какая-то была...

В. Ш.: Да-да это понятно, и так это сделаю. Когда включите — скажите.

В. Д.: А я уже!

В. Ш.: Включили?

В. Д.: Да.

В. Ш.: В прошлом собеседовании я говорил о том... о моей, так сказать, службе, военной службе. На этом я прервал и затем перешел уже к другим предметам. И хотелось бы изложить о том, как я стал членом Государственной думы, но это подробно рассказано, потому что повторяться нечего.

В. Д.: Где это рассказано?

В. Ш.: А вот это я сейчас расскажу, где это рассказано.

В сотрудничестве с одним очень одаренным человеком — Корнеевым, с которым я познакомился в тюрьме...

В. Д.: Имя-отчество этого Корнеева?

В. Ш.: Иван Алексеевич.

В. Д.: Иван Алексеевич Корнеев. Примерный год его рождения, чтобы его разыскать, не знаете?

В. Ш.: Ему сейчас около 70 лет.

В. Д.: Значит, он лет на 25 моложе вас.

В. Ш.: Да.

В. Д.: Так, ну, говорите.

В. Ш.: Значит, я познакомился с ним в тюрьме, и довольно долго мы сидели вместе. И тогда мы стали и работать вместе. Но первоначально это было так — забава. Хотя на религиозные темы... но все же так это было так — между прочим. А потом это вылилось в серьезную вещь, которая была названа «Божественная трагедия», в стихах. Как известно, Данте назвал свою вещь «Божественная комедия», и даже это не точно, он просто назвал это «Комедия»...

В. Д.: Не надо отвлекаться.

В. Ш.: ...а уже его поклонники переделали в...

В. Д.: Это известно!

(По-видимому, Дувакин что-то то ли передвинул на столе, то ли еще что-то изменил, считая что так Шульгину будет удобнее.)

В. Ш.: Извините, мне так удобно... Переделали в «Божественную комедию», и в pendant к этому мы назвали эту вещь — тоже в стихах — «Божественная трагедия». Это большая очень вещь...

В. Д.: В стихах?!

В. Ш.: В стихах, да.

В. Д.: А он, значит, стихотворец был?

В. Ш.: Ну, это, главным образом, я писал, а потом...

В. Д.: А вы раньше когда-нибудь стихи сочиняли?

В. Ш.: Да писал... Но он мне доказывал, что я настоящий поэт, а я ему доказывал, что я совершенно не поэт. Ну, в общем, я писал это стихами в тюрьме. А потом, когда мы с ним расстались (его перевели в другую камеру), он не мог унести рукописи, потому что он думал, что могут ее отобрать, поэтому он запомнил, несколько тысяч стихов он запомнил. Затем, когда он был освобожден уже, он их записал. Таким образом сохранилась эта «Божественная трагедия». Мало кто о ней знает, она очень выигрывает в декламации Корнеева, потому что у него великолепный голос, и он очень умело говорит именно такие, высокопарные вещи. Вот это начало работы с Корнеевым.

Затем, когда я играл фильм «Перед судом истории», то, в сущности, это было состряпано в значительной степени им совместно с таким Владимировым Владимиром Петровичем. Его настоящая фамилия... как это... ну, он еврей, словом...

В. Д.: Эрмлер?

В. Ш.: Позвольте, до Эрмлера мы еще не дошли. Мы говорим о Владимирове. Он еврей. Он как-то познакомился с этим Корнеевым, и они мне преподнесли мысль об этом фильме, который должен был называться первоначально «Дни».

В. Д.: Это уже когда вас освободили?

В. Ш.: Да, конечно. Вот. Тут он только участвовал в том смысле, чтобы втравить меня в это дело, а я выхлопотал ему, чтобы ему платили 100 рублей, чтобы он был при мне. Вот так.

Затем этот фильм прошел.

В. Д.: Значит, инициатива фильма была ваша?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: Сама идея?

В. Ш.: Нет. Инициатива была Хрущева, а уже как от Хрущева она пошла по более низким инстанциям — это я точно не знаю, но это и не так интересно.

В. Д.: Да.

В. Ш.: Значит, с фильмом дело было покончено. Но уже когда кончался фильм, то Корнеев уже придумал, что по окончании надо писать мне о Государственной думе, потому что он-то сам не был членом Государственной думы. А я был.

Теперь я единственный член Государственной думы, который удержался на свете, но и тогда уже...

В. Д.: Из всех четырех?

В. Ш.: Из всех четырех. Но тогда еще был Керенский, может быть, еще кто-нибудь. Я на это согласился, но я отчетливо понимал, что один я не могу писать. Почему? Надо читать стенографические отчеты, а я же не могу читать, я не вижу! Эту всю подготовительную работу должен был делать кто-то другой, и вот он за нее взялся. Делал он это очень добросовестно, энергично, усидчиво, находил и другие источники, кроме стенограмм Думы, всевозможные. Он такой — любил казаться точным, цитаты и так далее

В. Д.: Это очень хорошо. В общем, историк такой.

В. Ш.: Да, очень был полезен

В. Д.: А у него было образование историческое, нет? Кто он был по специальности?

В. Ш.: Он, ну, если хотите, он написал шесть томов истории музыки, хотя он совершенно не музыкант, так что известные понятия об истории он имел. Так. Но потому что он круглый бедняк, получает пенсию жалкую там какую-то, и не только поэтому, он все-таки хотел бы иметь известное имя, поэтому он очень дорожил, чтобы эта рукопись, которую мы назвали «Годы»...

В. Д.: «Годы»?

В. Ш.: Да, в pendant к «Дням»: то — «Дни», а это — «Годы».

В. Д.: Хорошо, хорошо.

(Перерыв в записи.)

В. Ш.: Словом, работа началась, сначала весьма дружно и плодотворно, а потом я стал замечать, что дело портится, потому что слишком уже хотел Иван Алексеевич, чтобы эти «Годы» появились в печати. И это «слишком» их и погубило. Объединившись с Владимиром Петровичем, они стали... вместо [того, чтобы] быть моими сотрудниками, вообразили себя моими цензорами.

В. Д.: Вот это я не понял: вообразили себя сами авторами?

В. Ш.: Цензорами моими.

В. Д.: Ах, цензорами!

В. Ш.: Да. Тут я сказал: «Нет! Так я не играю-с! Никаких цензоров я не признаю». На этом мы разошлись временно, и я уехал. Я работал с ним в Москве у него на квартире. Он сохранил... Это был их домик, его отец был врач. Вот он сохранил там две или три комнаты, и я там у него жил. Я уехал и порвал это.

В. Д.: Отношения, так сказать.

В. Ш.: То есть порвал работу.

В. Д.: Деловые...

В. Ш.: Да, написав в издательство, что я не могу работать при таких отношениях. Я указал...

В. Д.: У вас уже был договор?

В. Ш.: Да.

В. Д.: С каким издательством?

В. Ш.: «Советская Россия».

В. Д.: А, да, это довольно слабенькое издательство.

В. Ш.: Я им сказал, что мои книги, как «20-й год» и «Дни» вышли без всякой цензуры, потому что Ленин сказал относительно «20-го года»: «Пишите предисловие, комментарии сколько хотите, не трогайте текста». И эта традиция перешла уже и на «Дни», а впоследствии и на «Три столицы»¹. Словом, это порвалось, но Иван Алексеевич, весьма упрямый, он продолжал работать. Он продолжал работать, он приспособил своего сына, потому что он ему таскал эти стенографические отчеты (получено было разрешение их получать — так же не выдают каждому), и он продолжал что-то там кропать.

¹ Книга «1920 год» была опубликована в 1922 г. Государственным издательством (М. Госиздат, 1922); «Дни» опубликованы в 1925 г. ленинградским издательством «Прибой»; Текст книги «Три столицы», рассказывающей о якобы тайном посещении Шульгиным СССР в 1925—1926 г., был согласован с Москвой, но издана она была в Берлине в 1927 г.

И через некоторое время как-то опять отношения восстановились. Еще дело было и в том, что издательство дало нам авансы, и при разрыве надо было эти авансы вернуть, но издательство поступило по-джентльменски, и это я могу... письменно засвидетельствовал: оно не стало требовать обратно наших денег, то есть мы с Корнеевым получили кое-что — примерно на двоих две тысячи рублей получили.

В. Д.: Это уже после 60-го года или до? Две тысячи — какими деньгами?

В. Ш.: Нет, это было...

В. Д.: До 61-го года или после?

В. Ш.: То есть новыми или старыми?

В. Д.: Да.

В. Ш.: Новыми.

В. Д.: Новыми две тысячи? Это порядочно.

В. Ш.: Да, порядочно. Но все ж таки в конце концов... дело стало. Было написано что-то около тридцати печатных листов.

В. Д.: Тридцати печатных листов?! Это очень много.

В. Ш.: Да, это большая книжка. Сначала было меньше, но мы выторговывали, вытягивали из издательства согласие на добавочное. В конце концов какой-то текст даже мы установили, но, должен сказать, что когда мы прочитывали всё, это было ужасно утомительно, так что кое-что я там просто и проворонил. Но во всяком случае, какой-то текст был установлен, и одно время он у меня был, хотя бы частично, а потом не знаю, каким путем, я уже это не помню, оказалось, что у меня нет никакого текста! У Корнеева есть полный текст, но он его не дает, заставить его нельзя, потому что он очень болен.

В. Д.: Болен?

В. Ш.: Да, постоянно на кислороде. Его заставить — значит его убить. Я этого не стал делать и махнул на это рукой. А вот это тут сообщают: что полный текст находится у него, и что я его получить не могу. Значит, «Годы» — примерно тридцать печатных листов, обнимают собой Государственную думу, 2-ю, 3-ю и 4-ю.

В. Д.: Да. В 1-й вы не были?

В. Ш.: В 1-й я не был. Так вот в этих «Годах» очень подробно рассказано, как я стал членом Государственной думы. Это в главе, в большой главе, даже части — «Выборы». Она представляет большой интерес, большой, потому что я ведь прошел самыми низовыми голосами в Государственную думу, я не был избран как-нибудь там верхами. Нет! Мужичками! И при том, тут я кратко скажу.

В. Д.: Да, скажите в общей форме.

В. Ш.: При том даже насильственно, потому что уже когда окончательные выборы были в Житомире, то мы с этими нашими мужичками не могли сговориться, то есть не могли сговориться о числе мест: они требовали из тринадцать мест себе восемь, а мы им давали семьи.

В. Д.: Кто «мы»?

В. Ш.: Русские помещики.

В. Д.: Ах, помещицья курия и крестьянская были разделены при выборах, так?

В. Ш.: Нет, уже при окончательных выборах они голосовали вместе, при окончательных выборах в губернском городе, в котором уже непосредственно выбирали членов думы, голосовали вместе. А подход к этому как... перед этим шли выборы — подробно и сложно в этой книге «Годы», очень подробно и очень интересно.

В. Д.: История Государственной думы как таковая, — это, конечно, тема для серьезного исторического исследования, для которого этот текст Коврова несомненно понадобится, только как бы он не пропал вообще.

В. Ш.: Корнеева!

В. Д.: Корнеева, да! Не запомнил фамилию. Как бы он не пропал вообще!

В. Ш.: Я вам скажу так: он каждую минуту может умереть, Корнеев. У него есть жена, абсолютно безграмотная женщина, но сын его, хотя он профессиональный повар, но он все-таки немножко соображает. Вероятно, этим завладеет сын, этой рукописью, и что будет я не знаю.

В. Д.: То есть он может получить за нее деньги в Историческом архиве.

В. Ш.: Не знаю, не знаю, согласится... Ах, в архиве, вы думаете? Может быть, может быть так. Потому что без моего согласия печатать все-таки не будут, тем более что — странная вещь — они Корнеева поощряли в том отношении, чтобы он за мной, так сказать, меня правил в смысле цензурности. Но вместе с тем не позволяли, чтобы его имя появилось рядом со мной, с моим: нет, эта книжка должна быть — Шульгин «Воспоминания о Государственной думе». Когда я стал добиваться у лиц знающих, проще говоря, у чекистов: «В чем дело? Он же восстановлен. Да, он сидел несколько лет в тюрьме, но он вполне восстановлен во всех правах и так далее. Почему же вы так его боитесь?»

Они говорят: «Корнеев не из тех людей, которых советская власть желала бы рекламировать». И больше никаких объяснений я не получил.

Вот так обстоит дело. И если когда-нибудь кто-нибудь заинтересуется, то там надо искать этот текст и напечатать его, если он будет честный, то есть не будет там возмутительных сокрытий. Нельзя же выпускать мою речь во 2-й Государственной думе по аграрному вопросу (это очень важная речь) или речь Столыпина по этому же, нельзя комкать. Но это не находится больше в моей власти, а я только даю указание, где это можно найти.

В. Д.: У меня вопрос есть такой: хорошо, этот текст, надо полагать, на машинке?

В. Ш.: Да, конечно.

В. Д.: Так. Но на машинке-то печаталось не в одном экземпляре?

В. Ш.: Нет, не в одном.

В. Д.: Вот. Во скольких — не помните?

В. Ш.: Что?

В. Д.: Во скольких — не помните: в двух, трех, четырех?

В. Ш.: Во всяком случае, два есть, это... нет, больше есть, потому что для издательства же нужно два...

В. Д.: Два. И третий во всяком случае... Конечно, надо был печатать четыре: два — в издательство и каждому из вас.

В. Ш.: Я думаю, что так оно и есть.

В. Д.: Так. Но те два — в издательстве-то, кроме того не может быть еще полного экземпляра, того, который у Коврова, то есть у...

В. Ш.: У Корнеева.

В. Д.: ...у Корнеева?

В. Ш.: Нет! Не думаю!

В. Д.: В издательстве-то «Советская Россия»? Тогда это менее безнадежно, это в лучшем смысле сохрани... Хотя издательство тоже теряет, но там все-таки есть известный порядок и рукописи поступают потом в общие архивы.

В. Ш.: Да, я еще хочу сказать, что для меня желательно: для меня желательно, если это будет печататься, следующее: чтобы ясно было, что мое, что корнеевское...

В. Д.: Ну, это, вероятно...

В. Ш.: Пусть он отвечает за свое, а я за свое.

В. Д.: Вероятно, это уже невозможно, поскольку это только вы с ним можете разграничить.

В. Ш.: Мы так с ним говорили: где я говорю «я» от своего лица — там это ясно, что это мое, где говорится безлично — это Корнеев. И что это можно было указать в предисловии.

В. Д.: Верно. Если это соблюдается более-менее последовательно, то это не так и сложно. Но я думаю, что вы, говоря лично, одновременно в ряде случаев могли переходить и на ... не следили за этим и могли переходить и на безличную форму.

В. Ш.: Нет, там все это от моего лица говорится. Если и рассказывается, что вот говорил Милюков-то-то или другой кто, все равно это я передаю.

В. Д.: Да, но, допустим, дальше следует абзац: «А в это время шли переговоры между правительством Николая и французским президентом Пуанкаре», то вот такая фраза уже может быть началом абзаца, написанного Корнеевым, а может быть и вашим продолжением.

В. Ш.: Нет, это избежать можно.

В. Д.: Ну что ж, ну, поскольку эта специальная тема историческая, по истории политических учреждений в России, а меня интересует, так сказать, то есть профиль моей работы (интересует меня очень много), профиль моей работы — это чисто историко-культурные учреждения и люди, то мне интересно в этом... просто сам факт вашего участия. Конечно, вряд ли вы можете, если мы сейчас сядем и вы будете мне рассказывать историю Государственной думы, пользуясь этим, то, вероятно, нужно несколько недель для этого.

В. Ш.: Какое недель! Гораздо больше, и потом я не способен уже это сделать.

В. Д.: Ну, понятно.

В. Ш.: Теперь вот что еще...

В. Д.: Решим, что это есть, для будущих историков, так сказать...

В. Ш.: Вот что еще интересно. Эта рукопись прошла два важных учреждения: Академию Наук и какое-то такое учреждение, я точно его название не помню, но очень авторитетное именно по идеологии.

В. Д.: Может быть, Академия общественных наук?

В. Ш.: Точно я вам не могу сказать. Академия Наук дала блестящий отзыв.

В. Д.: А кто его писал персонально, не знаете?

В. Ш.: Знаю, то есть я не помню. Знаю, один из членов-корреспондентов.

В. Д.: Фамилию вы не знаете?

В. Ш.: Не помню.

В. Д.: Это очень важно было бы...

В. Ш.: Какой-то еврей. Он дал такой отзыв.

В. Д.: Не Кафенгауз?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: Я историков...

В. Ш.: Он дал такой отзыв...

В. Д.: Хотя Кафенгауз медиевист...

В. Ш.: ...что написано блестяще и дает яркую картину о том, что такое была Государственная дума, и что Шульгин (что для меня ценно) остался тем же, что и был, он не изменился, в то время, как вот Владимирова силился доказать, что Шульгин изменился. Так что тут — расхождение.

В. Д.: Простите, мне (я немножко переспрашиваю), мне не совсем ясным показалось отношение Владимирова.

В. Ш.: Владимирова...

В. Д.: Это помощник Корнеева?

В. Ш.: Да-а, помощник, и нельзя сказать, чтобы помощник, а скорее надсмотрщик... повыше. А его, так сказать, официальное отношение к этой книжке — редактор.

В. Д.: Ах, редактор!

В. Ш.: Редактор.

В. Д.: Ах, значит, Владимирова — это редактор, намеченный издательством «Советская Россия».

В. Ш.: Да.

В. Д.: И это лицо, которое, наверное, живо, и которое, наверное, не так трудно разыскать.

В. Ш.: Кто?

В. Д.: Владимиров.

В. Ш.: Ну, конечно же, живет себе в Москве! Теперь... Его настоящая фамилия — Вайншток.

В. Д.: Вайншток?

В. Ш.: Да, Владимир Петрович.

В. Д.: Владимир Петрович Вайншток, писавший под псевдонимом Владимиров?

В. Ш.: Да. Он же писал первоначальный текст вот этого фильма «Перед судом истории». Но от этого его почти ничего не осталось.

В. Д.: Так, понятно.

В. Ш.: Так, вскользь: он женат на чистокровной татарке, которая сыпет по-татарски как хочет. Он ее называет «татарское иго». (*Дувакин усмехается.*) Она — большой хирург, она работает у Склифосовского.

В. Д.: Ах, серьезно большой хирург?

В. Ш.: Да, вы знаете Склифосовского?

В. Д.: Ну, конечно.

В. Ш.: Так вот, все эти разбитые, знаете, во время всяких этих... Это ж все она там работает, так что женщина...

В. Д.: Женщина — хирург.

В. Ш.: Женщина — хирург

В. Д.: Талантливый человек.

В. Ш.: Талантливая она. Она очень помогала сначала.

В. Д.: А как ее фамилия, вы не знаете?

В. Ш.: Ее фамилия...

В. Д.: Как врача? Наверное, у нее другая фамилия, думаю, что она и не Вайншток, и не...

В. Ш.: У нее другая фамилия, но я забыл, какая...

В. Д.: Я могу даже спросить...

В. Ш.: Забыл, какая. Но я знаю, что она Надежда Хатьяновна.

В. Д.: Надежда Хатьяновна?

В. Ш.: Да. Татарка.

В. Д.: Ну это уже много для того, кому это понадобится. Мне это не нужно, я этим заниматься не буду, но я, вы знаете, копаю не только для себя и даже совсем не для себя, а для всех добросовестных ученых. Каждый, кто захочет, что-нибудь у меня для себя найдет.

В. Ш.: Вот что еще вы хотите?

В. Д.: Об этом?

В. Ш.: Об этом.

В. Д.: Ну, так сказать, вот вы немножко... ваше общее отношение сформулируйте так — к трем Дума́м, не излагая, и вашу позицию в каждой из трех в общей форме.

В. Ш.: Нет, это я отказываюсь. Это нельзя... Это именно и есть тема вот этих книг «Годы». А в двух словах это нельзя сказать!

В. Д.: Ну, хорошо, не буду настаивать. У меня только тогда просьба: вы в дальнейшем нашем разговоре о ваших эмигрантских встречах и деятельности, ну, и когда вот будут попадаться имена крупных деятелей Думы, ну, допустим, Родзянко, понимаете, то вы, характеризуя их в нашей беседе, можете обращаться и к материалу вот этого периода, который мы в целом уславливаемся, что пропускаем, так?

В. Ш.: Да, конечно.

Деятельность в Государственной думе

В. Д.: Значит, мы пропускаем, вы только, так сказать, биографически скажите: вас выбрали во 2-ю Государственную думу в — месяц, год?

В. Ш.: Выборы состоялись... словом, открылась 2-я Государственная дума 20 февраля 1907-го года.

В. Д.: Так, ну дальше общеизвестно. Значит, выбирали вас 1907-го года или в 1906-го?

В. Ш.: Нет, в 907-м году.

В. Д.: В 907-м году, а до этого существовала 1-я Государственная дума? 1-я Дума была распущена царем, так?

В. Ш.: 1-я Дума была распущена до срока, как и 2-я.

В. Д.: Значит, были выборы. Выборы эти происходили в конце 6-го или в самом начале 1907 года.

В. Ш.: Да.

В. Д.: Вы были выбраны депутатом от..?

В. Ш.: Волынской губернии.

В. Ш.: Волынской губернии. Была такая губерния отдельно?

В. Ш.: Губерния, конечно, с центром Житомиром. Губернский город Житомир.

В. Д.: Так она разве называлась Волынская, а не Житомирская?

В. Ш.: Нет, Волынская она называлась. Это стариннейшее название.

В. Д.: Ага, значит, Житомир. Это сейчас входит в состав Украинской ССР?

В. Ш.: Это входит — там область образовалась Ровенская и еще какая-то, она переделена.

В. Д.: Ага, переделена теперь, но это Украина, но та Украина, которая была в пределах Российской империи?

В. Ш.: Да-да.

В. Д.: Никаких прирезок от частей бывшей Австро-Венгрии в результате войны, вот то, что мы называем Западной Украиной, там нет?

В. Ш.: Сейчас?

В. Д.: Да.

В. Ш.: Не знаю. Сейчас же Львов вошел.

В. Д.: Львов вошел.

В. Ш.: Ну да! А тогда его не было.

В. Д.: Конечно. То есть попросту говоря, это меня интересует вот что: это пограничная губерния?

В. Ш.: Пограничная.

В. Д.: Пограничная, то есть ее западная граница шла по границе с Румынией и частично с Австро-Венгрией, так?

В. Ш.: Она шла, да, с Австро-Венгрией.

В. Д.: А с Румынией она граничила, нет? С Бессарабией?

В. Ш.: Да, граничила, граничила. Тут...

В. Д.: Тут Бессарабия была.

В. Ш.: Южнее Бессарабия, а здесь она... граница была: с нашей стороны — Радзивиллы, со стороны Австрийской — Броды.

В. Д.: Ага, ну тогда понятно, это можно посмотреть по карте. Так.

В. Ш.: А я жил вот на Волыни — это примерно 100 километров от границы.

В. Д.: В каком уезде было ваше, собственно...

В. Ш.: Острожском.

В. Д.: Острожском. И как называлось ваше имение или поместье?

В. Ш.: Имение Курганы называлось.

В. Д.: Курганы. Значит, вы были помещиком, во всяком случае, юридическим, поместья Курганы, уезд...

В. Ш.: Острожский.

В. Д.: Острожский уезд Житомирской губернии (*поправляется*) Волынской губернии.

В. Ш.: Волынской губернии.

В. Д.: Волынской губернии.

В. Ш.: Причем, это с 1905 года.

В. Д.: С 905-го года, когда ваш отчим Пихно...

В. Ш.: Да, купил это имение.

В. Д.: ...купил это имение на ваше имя.

В. Ш.: Курганы. Нет, на свое имя, а выделил мне часть там, именно с целью... он уже предвидел, что будет Дума и, не выделяя, просто зачислил 300 десятин.

В. Д.: За вами, чтобы у вас был ценз.

В. Ш.: Ценз, да. И он оказался прав, действительно, это мне пригодились.

В. Д.: И выбирали вас окрестные... Вас выбирали по помещичьей курии или по крестьянской, ведь это отдельные были голосования, там разные нормы были?

В. Ш.: Вы задаете вопрос, который тщательно рассказан. Выборы были очень сложные, закон о выборах, и тщательно рассказано в книге «Годы». Если я начну сейчас рассказывать...

В. Д.: Понятно! Хорошо, я отказываюсь...

В. Ш.: ...то это не соответствует...

В. Д.: Это будет непропорционально. Отказываюсь от этого вопроса, беру только крупный масштаб. Значит, 2-я Дума кончилась, как известно каждому грамотному человеку, 3 июня 1907 года, когда был изменен...

В. Ш.: Закон.

В. Д.: ...закон с целью сделать Думу более... затруднить проникновение, так сказать, левых элементов.

В. Ш.: Да.

В. Д.: Так, во всяком случае, это в нашей исторической науке всюду трактуется — это, так сказать, третьеиюньская пора.

В. Ш.: Да-да.

В. Д.: Вот эта третьеиюньская... Это 2-я Дума. Третьеиюньская Дума — это Дума Столыпина, так?

В. Ш.: Да, это Дума Столыпина — это 3-я Дума.

В. Д.: Так. А она полных своих четыре года...

В. Ш.: Пять!

В. Д.: Пять лет?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Значит, она до 12-го года: 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й. Она кончилась в 12-м году.

В. Ш.: Да.

В. Д.: И в 12-м году вы были снова переизбраны?

В. Ш.: Да, в 4-ю Думу.

В. Д.: В 4-ю Думу. А 4-я Дума дожила до 17-го года, и это как раз рассказано в книге «Дни». Ясно.

В. Ш.: Она теоретически продолжала существовать еще, потому что мы считались еще членами Думы и получали жалование до Октябрьской революции.

В. Д.: Ну, и потом... да... нет, потом уже не было, потом был, очевидно, Комитет — Учредительное собрание... А в Учредительное собрание вы не баллотировались?

В. Ш.: Баллотировались. Мы баллотировались по Киевской губернии, но не прошли.

В. Д.: Не прошли.

В. Ш.: Да.

В. Д.: От какой партии вы баллотировались тогда?

В. Ш.: Сборная партия, главным образом, — киевляне, точнее сказать, шульгинская или «киевлянинская»².

² Имеется в виду партия, образовавшаяся вокруг газеты «Киевлянин».

В. Д.: То есть это партия, которая была правее кадетов.

В. Ш.: Да, конечно, правее. Но в этой 4-й Думе мы же были в блоке с кадетами.

В. Д.: Я знаю. Нет, а вот к моменту выбора в Учредительное собрание, вот я с шульгинской партией как-то не встречался...

В. Ш.: Ну да.

В. Д.: Она небольшая?

В. Ш.: Москвич. Она, как вам сказать, мы об этом уже говорили. Учредительное собрание украинское не собралось, но все же так я получил большинство голосов и был избран от города Киева.

В. Д.: Ах, вот что! Это, значит, уже летом 17-го года?

В. Ш.: Да, к осени так примерно.

В. Д.: Тут давайте, действительно, проведем какую-то короткую беседу вопросами моими, которые будут просто пунктиром. После этого, значит, вот наступает ваше участие уже в белом движении, после этого. Вы провели эти годы — вот то, что в «20-м годе» (просто я для связи, я не помню сейчас, я помню только конец), вы уехали из Петербурга на юг?

Переезд в Киев

В. Ш.: Ну да, я уехал непосредственно после... помните, было какое-то июльское...

В. Д.: Июльское наступление большевиков.

В. Ш.: Да.

В. Д.: И выходы кадетов из Временного правительства.

В. Ш.: Да, и вот я уехал и обосновался... «Киевлянин» вот тогда разыгрался вовсю, «Киевлянин» тут сыграл большое значение.

В. Д.: В это время существовала и самостийная Украина... нет, еще нет. Еще нет.

В. Ш.: Там были разные периоды.

В. Д.: Ну, потом, значит, после Брестского мира. К Брестскому миру вы, конечно, отнеслись резко отрицательно, это понятно. И в период заключения Брестского мира вы были в Киеве?

В. Ш.: Да.

В. Д.: И когда немцы вошли, заняли Украину, вы тоже были еще там?

В. Ш.: В Киеве был, и вот это, если вам интересно, это можно бы рассказать.

В. Д.: Вот это интересно! То есть при Скоропадском³?

³ Павел Петрович Скоропадский (1873—1945) — генерал-лейтенант Императорской армии, гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.

В. Ш.: Еще не было Скоропадского.

В. Д.: Были уже немцы, но еще не было Скоропадского?

В. Ш.: Да. Дело было так. Значит, произошла Октябрьская революция, и меня арестовали, новая власть, которая образовалась в Киеве, меня арестовала.

В. Д.: Это была просоветская власть?

В. Ш.: Да, это сначала была...

В. Д.: Это укаписты, да? Там ведь было две коммунистических партии.

В. Ш.: Сначала было... Ах, опять это... Так нельзя рассказывать!

В. Д.: Нет, вы не вдавайтесь в подробности, но я хочу, понимаете, чтобы не было полного разрыва, чуть-чуть... Значит, первое время... То, что я подаю реплики, это... это... как вам сказать... это то, что общеизвестно более или менее в советской историографии в общей форме. Ну, в Киеве сначала как-то утвердились... Собственно еще...

О французской интервенции

В. Ш.: Вот что вам важно знать: я был один из людей, который вызвал французскую интервенцию.

В. Д.: Ах вот что!

В. Ш.: Да. Это было так. Немцы вошли в город.

В. Д.: В Киев?

В. Ш.: В Киев.

В. Д.: Значит, после подписания Брестского мира, то есть после марта 18-го года, так?

В. Ш.: Да. Вошли в город. Я выпустил «Киевлянин». Он назывался «Последний номер „Киевлянина“», потому что перед этим я сидел в тюрьме уже, «Киевлянин» [в]стал. Тут я из тюрьмы вышел, перед приходом немцев, и когда они вошли в город, я написал статью такую отчаянную, которая начиналась так: «Мы должны сказать вошедшим в наш город немцам, что, закрывая газету „Киевлянин“, которая свыше пятидесяти лет служила своему краю, мы должны говорить прямо: вы — наши враги! Мы дали наше слово французам и англичанам, мы наше слово держим. Война кончится не в Киеве, а на кровавых полях Франции. Мы наше слово держать будем и подтверждаем, что наши союзники англичане и французы, а вы — наши враги. И потому мы закрываем „Киевлянин“, потому что если бы мы продолжали издавать его под вашей властью, то это

было бы великодушие с вашей стороны. Великодушия мы принять не можем. А если мы закрываем, то мы делаем это потому, что говорить свободно, конечно, нам не придется. Но (заканчивая) обращаю внимание наших нынешних врагов, что честные враги лучше лукавых союзников. Когда наступит мир, тогда у нас могут возобновиться добрые отношения».

Вот я это написал и сдал в типографию. Типография не наша. Типография была московская, фирма Кушнерева. Начальник типографии прибежал ко мне и говорит: «Вы закрываете „Киевлянин“?» «Да, — я говорю, — закрываем!» — «Но это же нельзя! Вы знаете, я читал, я рыдал — и весь город будет рыдать!» Я говорю: «Пусть рыдает. Я сделал то, что могу, то, что считаю должным, а остальное — больше я ничего не знаю». Он говорит: «Больше вы ничего не знаете?» «Да», — я говорю. Он схватил эту уже набранную статью и побежал к немцам. И потом мне рассказывал. Они два часа совещались, затем вышли, дали мне текст обратно и сказали: «Если человек закрывает газету, которая пятьдесят лет тут работала, то надо же и дать возможность высказаться! Поэтому эту статью мы пропускаем». А там еще был дневник мой такой, который я писал, когда подходили немцы. Так вот: «Этот дневник мы должны зачеркнуть, пусть выходят белые страницы». И вот появился этот номер «Киевлянина»!

В. Д.: Появился?

В. Ш.: Да!

В. Д.: С белыми полосами?

В. Ш.: Да. Белые полосы с этой статьей. И, знаете... Номер [обычно] стоил в розничной продаже 10 копеек. Сейчас, по выходу, он стоил штука 25 рублей! Мальчишки газетные заработали феноменально. И — вышел, вышел!

” Это вам показывает разницу между теми немцами и гитлеровцами. Это совершенно два разных народа, почему я до сих пор сохраняю... несмотря на то, что я им сказал, что они наши враги. Да, враги, но враги, которых можно уважать! И меня не трогали.

Через месяц только меня позвали... ну, то, что у немцев была, так сказать, разведка. И там мне какой-то полковник, который говорил по-русски, ну не совсем, переводчиком пользовался, задавал целый ряд вопросов. Но странно: он задавал такие вопросы, после которых меня надо было не выпускать, а он сказал: «Пожалуйста, вы свободны». Я успел предупредить целый ряд моих друзей о том, что их ищут, и они скрылись. Тут тоже было, знаете, совсем другое отношение.

Вот это... Вечером этого дня, то есть ночью, как появилась эта статья, ко мне ворвался француз. Француз этот был, он потом назывался консул Эно, это был французский офицер, который командовал большим танком, но французы увидели его способности, послали его тайным разведчиком в Киев, и он там и сидел. Сидел, поселился он там в семье, которой... там хорошо говорили по-французски, и он продолжительное время... Ему переводили все, что нужно, и он был в курсе дела, понимаете?

В. Д.: Понимаю. То есть он был французский разведчик?

В. Ш.: Да, капитан, Эмиль Эно. Вот когда он прочел эту статью, то он... А знал о нем... я не знал о нем, но один мой сотрудник, родом бельгиец, который хорошо говорил по-французски, он знал об этом Эно, и он мне глубокой ночью притащил этого Эно. И вот тут — домик маленький, стены тонкие, я его только умолял, чтобы он так не орал! Он орал: «Этого Франция не забудет! Этого Франция не смеет забыть!» Сейчас же он...

В. Д.: То есть вашего, так сказать, подвига...

В. Ш.: Да-да-да. Он говорит: «Я сейчас должен бежать, потому что меня схватят, и я уезжаю в Румынию», — там было сосредоточено французское какое-то такое управление, там был такой граф Сент-Олер. «Я туда — я отвезу эту статью».

” Он действительно бежал, он передал, эта статья была по телеграфу передана в Париж, и была решена тогда интервенция: надо России помочь, этого забыть нельзя! Вот так началась интервенция.

В. Д.: То есть она началась против немцев?

В. Ш.: Против немцев, конечно, а против кого же?

В. Д.: А не против русских большевиков, которых там еще не было?

В. Ш.: Которые были с немцами. Они же объединились с немцами, они же заключили Брестский мир, это же было полное согласие тогда.

В. Д.: Ах, вот как. Но потом-то немцы ушли, и французы воевали с Красной армией. Ну, ладно, это уже дискуссионный момент, я не хочу соскальзывать...

В. Ш.: Потом, кроме французов, на следующий день явился англичанин, который тоже сидел там тайно, и я его не знал. Он меня тоже поблагодарил, конечно, англичанин не кричал так, как француз (*усмехается*), а потом, значит, он пришел, когда меня не было, и обратили к моей жене первой и передал ей какой-то пакет. Когда я пришел, вот она говорит: «Он был, сказал, что он уезжает, оставил этот пакет». Я взял этот пакет — там оказалось 20 тысяч рублей на связь. Он, значит, ехал в Москву. И вот тогда образовалась так называемая «Азбука». Это тайная организация, во главе которой я стоял под буквой «веди». Которая имела задачу против немцев, против украинцев и за Добровольческую армию.

В. Д.: У украинцев уже в то время формировалось петлюровское движение? Это подразумевается...

В. Ш.: Нет, немцы состряпали то, что называлось Getmanschaft.

В. Д.: Ага, да-да-да, Скоропадский.

В. Ш.: Да, Скоропадский... которые и меня звали участвовать в этом деле. И некий Кочубей ко мне. Я ему сказал: «Знаете, странно, что Кочубей (*усмехается*) предлагает мне такие вещи. Нет, я отказываюсь участвовать в этом вашем Getmanschaft'e, потому что это просто марионетки в руках немцев». Ну, они состряпали довольно интересно. Скоропадский был, кажется, в свите Его Величества генерал, которого предки, действительно, были гетманами. Настоящая его фамилия Шкуропадский.

В. Д.: Шкуропадский? (*Смеется.*)

В. Ш.: Да.

В. Д.: А получилась — Скоропадский. Это понятно.

В. Ш.: Ну, это — гвардеец, кавалергард такой. И он... жена его очень такая монархистка, и он будто бы на коленях перед чудотворной иконой принес клятву: положить Украину к ногам Его Величества. Он не сказал, какого Величества, но фактически положил его к ногам Вильгельма II, который, значит, и утвердил это, и он ездил к нему представляться, стал «его светлость» и так далее.

Потом ко мне приехал неожиданно такой князь Васильчиков, он был член Государственной думы, молодой.

В. Д.: Князь Васильчиков?

В. Ш.: Да, молодой, со мной связанный и партией, да и вообще — дружбой. Приехал ко мне прямо с вокзала и говорит: «Что у вас тут делается? Какой-то гетман! Что это такое?» Я говорю: «Так вы этого гетмана лучше знаете, чем я!» Ну конечно, Скоропадского прекрасно знали. «Ну, — говорю, — и какое же ваше мнение? Что вы меня спрашиваете? Я вас спрашиваю о нем! Это порядочный человек?»

В. Д.: Вы его спрашиваете?

В. Ш.: Да! Он говорит: «Был порядочный. Я, — говорит, — вот что сделаю: я прямо к нему еду и потом вернусь к вам».

Он действительно поехал и через два часа приехал. Я говорю: «Что?» — «Да знаете, да, кажется, он порядочный, но-о...» Я говорю: «Что „но“?» — «Но ему понравилось!»

В. Д.: Что ему?

В. Ш.: Понравилось ему быть гетманом!

В. Д.: А-а-а!

В. Ш.: Вот так он определил, и так оно и было. Он, может быть и был порядочным, но ему понравилось быть гетманом. Так ведь внешне это целый двор был, правительство и все.

В. Д.: Ведь это было недолго? Это было до ноября.

В. Ш.: Недолго.

В. Д.: До ноября того же года, до революции в Германии.

В. Ш.: Это было... кончилось это... Вот мой сын погиб 1 декабря по старому стилю...

В. Д.: 18-го года?

В. Ш.: Да, в борьбе с петлюровцами.

В. Д.: А на стороне чего? Добровольческой армии?

В. Ш.: Да, связь была.

В. Д.: Или гетманской армии?

В. Ш.: Нет, связь была, но защищали они не гетмана, а Киев! И погибли там в Борщаговке, двадцать пять юношей таких же, как он, в братской могиле были похоронены, а потом мы откопали труп (я тогда не был, я был уже в Добровольческой армии, а моя жена была). И вот тоже характерно...

(Перерыв в записи. Запись начинается с полуслова, как продолжение беседы. Речь идет о последнем номере «Киевлянина» и о статье Шульгина.)

В. Ш.: ...он передал ей пакет... У вас это не записано?

В. Д.: Нет, нет, продолжайте, пожалуйста.

В. Ш.: Она существует, она напечатана в книге генерала Лукомского. Эта книга есть.

В. Д.: Это за рубежом?

В. Ш.: Нет, здесь.

В. Д.: Здесь?

В. Ш.: Здесь есть книга Лúкомского, генерала Лукомского.

В. Д.: Лúкомский или Лукóмский?

В. Ш.: Лúкомского — сотрудника Деникина.

В. Д.: И такая книга у нас была издана?

В. Ш.: Нет, издана она была где-то в другом месте! Но она существует здесь.

В. Д.: Ну, в секретных хранилищах Ленинской библиотеки, допустим.

В. Ш.: Да не в секретных! Она находится у моего приятеля кавторанга, этого... Некрасова, то есть какого Некрасова! — Краснокова! Моряка. Эта книга у него есть и в этой книге эта статья есть целиком. А я хочу что о ней сказать? Я потом, потом только понял, от кого я, собственно, говорил, когда я писал «мы»: «Мы дали наше слово англичанам и французам». Кто дал это слово? Царь! Да царя больше не было!

В. Д.: Уже не было?

В. Ш.: Нет, он жив был, но он не был царем. И я говорил от имени какой-то несуществующей русской власти! Вот это звучало для немцев очень импозантно!

В. Д.: Вы дали слово от имени русских монархистов.

В. Ш.: Да. Ну, ладно, это я кончил. Теперь перехожу к тому, как погиб мой сын.

Гибель сына

В. Д.: Да, вы уже начали. Вы сказали число, там, кажется, 1 декабря 1918 года, мы уточняли — в борьбе с кем. Двадцать пять молодых людей там погибло, братская могила и так далее, и, значит, они боролись с наступающими на Киев петлюровцами, да?

В. Ш.: Петлюровцами, да.

В. Д.: Вы, простите, перебыю, но непосредственно к этому: вы читали роман Булгакова «Белая гвардия»?

В. Ш.: Нет, не читал, но я знаю о нем.

В. Д.: Этот момент там описывается — взятие Петлюрой Киева.

В. Ш.: Так вот, в это время в Киеве образовался целый ряд дружин из молодых людей. Это называлась Георгиевская дружина, в которой был мой сын. На защиту Киева от Петлюры. Они занимали место на шоссе этого Киево-Брестского. Это называлось Борщаговка. Сейчас она вошла в город. Им было сказано, чтобы они этот пункт держали. Значит, накануне 1 декабря... Во главе этой дружины из молодых людей только что окончивших гимназию, стоял полковник кадровый. И вот он накануне им говорит: «Я поеду в город, а вы не сдавайте, ни в коем случае не сдавайте этого порученного вам пункта!» И уехал. И не вернулся. Они остались без руководства с приказанием защищать до последнего патрона.

А были целый ряд других дружин. И вот из другой дружины попался в эту дружину один молодой человек и говорит: «Что вы делаете?! Справа и слева все отступили! Гетман и начальник штаба (не помню, кто тогда был) сдали город!» — «Мы не можем. Нам приказано, мы будем защищать до последнего патрона». И они это проделали. Потом там крестьяне рассказывали: они взгромоздили пулемет на сосну, стреляли пока могли, потом стреляли из винтовок (как крестьяне рассказывали — «как горобцы прыгали туда-сюда»).

В. Д.: Как кто?

В. Ш.: Горобцы — ну, воробьи!

В. Д.: А-а-а!

В. Ш.: Это местные там видели, ну, потом те, значит, когда... Они, действительно, там до последнего патрона стреляли, безоружные! И они всех их и перебили — петлюровцы! И закопа...

В. Д.: Они в плен не брали?

В. Ш.: Не-ет, закопали их всех там. А в это время на нашей...

В. Д.: Это ваш старший сын, Дмитрий?

В. Ш.: Нет, не Дмитрий — Василий, собственно, не Василий, а Василид!

В. Д.: Василид?

В. Ш.: -лид! Такое редкое имя. Это значит — сын Василия.

В. Д.: Василид Васильевич Шульгин?

В. Ш.: Да. Его все знали в гимназии как Василид — такое редкое имя.

В это время в наш дом в Киеве приехали с Волыни четыре парубка из села Курганы. Это были такие, знаете, сверстники моих вот старших сыновей, то есть Василида и Ляли. Они смолodu там с ними возились, обучали их всякой борьбе — вот такие

были отношения. Они приехали по каким-то своим личным делам и остановились у нас. И они, когда это узнали, они пришли к моей жене и сказали: «Барыня, чтоб так нашего паныча без креста вот так закопали! — то это мы не позволим!» И как бывает в таких обстоятельствах, когда что-то действительно «клеется» (надо же было туда проникнуть!) вдруг появился какой-то Датский крест, Красный крест датский, грузовик, который предложил свои услуги: забрал вот этих четырех парубков с лопатами, заступами, потом еще Виталия Градовского, брата моей первой жены, и туда отправились тихонечко, с фонарями, ночью.

Раскопали, перебрали двадцать пять трупов и нашли вот Василюда, который был убит пулей прямо в сердце.

В. Д.: Не мучился.

В. Ш.: Нет. И такое, как говорили, спокойное у него было лицо. Привезли его в город (ночью все), как полагается, к дому подвезли, постояли около дома и затем похоронили на Байковском кладбище в Киеве.

В. Д.: Со священником?

В. Ш.: Что?

В. Д.: Со священником, нет? Или это невозможно было?

В. Ш.: Нет, священника не было. Похоронили там. Я впоследствии не мог... Я примерно знал, где он, но так как без надписи похоронили, то я найти не мог. Но он и до сих пор, конечно, лежит, то есть его останки. Вот так он погиб. Это вроде как, когда погиб в Фермопильском ущелье, и там был поставлен памятник: «Странник, возвести лакедемонянам, что здесь погиб царь Леонид и триста спартанцев». Вы помните эту историю?

В. Д.: Да-да.

В. Ш.: Там было такое узкое ущелье, что они стали триста человек — и нельзя пройти, хотя огромная армия была против них. А изменник Эфиальт провел их, персов, кругом по тропинке в тыл. Ну вот так, я говорю, когда-нибудь поставят и там: «Прохожий, извести киевлян, что здесь погибло двадцать пять юношей за мать городов русских». Ну, это еще когда-то будет. Ну вот.

В. Д.: Так. Ну, а дальше... Значит, вам-то когда удалось... вас не трогали и практически вы продолжали жить в Киеве?

В. Ш.: В Киеве...

В. Д.: И дождались..?

В. Ш.: ...при гетмане продолжал жить, но «не трогали» — это нельзя сказать, потому что я получил сведения, что глава правительства Скоропадского Кистяковский, о котором я уже говорил вам...

В. Д.: Да, вы упоминали... Нет, это не для микрофона, я просто вас спрашивал, не родственник ли это профессору Кистяковскому?

В. Ш.: ...собирается меня арестовать. Поэтому надо было уезжать. Я и уехал в это... кажется, 11 июля, что ли, было совещание в лесу — 11 ноября... и уехал.

В. Д.: Июля или ноября?

В. Ш.: Июля. И уехал. С кем? Взявши вот Василька, тогда еще живого. Он же погиб...

В. Д.: Он погиб после вашего отъезда?

В. Ш.: 1 декабря он погиб, а это было в июле.

В. Д.: То есть он погиб, когда вас уже в Киеве не было?

В. Ш.: Конечно!

В. Д.: Ах, так, вот это неясно мне было.

В. Ш.: Да. Вот он...

В. Д.: Сколько ему лет было?

В. Ш.: Девятнадцать. Он, потом такой Гри-Гри — это был моряк очень толковый, старший лейтенант, который у меня был в «Азбуке», и еще молодая дама, моя секретарша, мы уехали на пароходе. Мы ехали на пароходе, там у нас были друзья, так что и каюту нам дали и все...

Отъезд из Киева

В. Д.: Куда же вы уехали?

В. Ш.: Мы уехали вниз до Екатеринослава, потом сели в какой-то поезд там шел с теплушкой, и направились на восток в Новочеркасск.

В. Д.: Продолжайте, продолжайте, очень хорошо.

В. Ш.: Там на границе...

В. Д.: Войска Донского.

В. Ш.: Войска Донского, вот, стояли там на вокзале — столик, казацкие там офицеры — проверяли документы. Ну, я назвал себя, сказал, что я еду по приглашению генерала Деникина, а это — мои спутники, и нас пропустили.

В. Д.: И Деникин-то вас, действительно, приглашал?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Но вот я не помню: Вы встречу-то вашу личную с Деникиным в «20-м годе» описываете или нет? Вот вообще — встреча с Деникиным — это было бы, конечно, интересно. По-моему, там все — 20-й год, а 18-го там нет совсем, по-моему.

В. Ш.: 18-го нет.

В. Д.: Ведь это ж 18-й год еще, ну, начало 19-го. Да — 18-й еще год. Почему Деникин? Ведь тогда еще не Деникин был главнокомандующим, тогда еще был, это еще пора... Корнилова уже не было, но Краснов был!

В. Ш.: Нет! Краснов никогда не был главнокомандующим!

В. Д.: Ну, армию-то возглавлял кто? Пронемецкую?

В. Ш.: Краснов, но ведь не он был. Непосредственно после гибели Корнилова вступил его помощник Деникин.

В. Д.: Ах, так было?

В. Ш.: Да. Тоже — рода казацкого! Образованный офицер, кончил Академию генерального штаба, писатель военный, интеллигентный человек. А я, значит, когда приехал, вот тогда я с ним познакомился, хотя не убежден, что на августовском совещании в Москве Деникин уже был, так что я мог его видеть. Во всяком случае, Корнилов был.

В. Д.: В каком августовском? 17-го года? Это предпарламент, так называемый, да?

В. Ш.: Нет, это еще не предпарламент, а это было такое грандиозное собранное совещание, что-то такое две тысячи человек. Председательствовал Керенский.

В. Д.: А, это Демократическое совещание называлось.

В. Ш.: Не знаю, августовское, одним словом.

В. Д.: Это — до выступления Корниловского мятежа?

В. Ш.: До. Причем, Керенский оказался прекрасным председателем. Я говорил большую речь. В театре. Ну вот, может быть мы пока переждем, потому что говорить так о всяких предметах, знаете, с полуслова, получится только каша.

В. Д.: Нет, очень сейчас интересно идет. Сейчас идет очень подлинно: вы не уклоняетесь, так сказать, на чисто личные так моменты и встречи... Ну, вот приехали в Новочеркасск. Что вы застали в Новочеркасске? По-моему, этого ничего нет в «20-м годе» и эта как раз, ну, ваша встреча с Деникиным... Сейчас очень хорошо идет, мне очень не хочется вас обрывать.

В. Ш.: В Новочеркасске уже никого не было.

В. Д.: Куда ж они делись?

В. Ш.: Они были уже в Ростове. Там проходил поезд-молния, там сильно заболел мой сын.

В. Д.: Второй?

В. Ш.: Нет, Василид!

В. Д.: Ах, он же?

В. Ш.: Да, по-видимому, испанкой. Но я его оставил на руках моей секретарши, которая очень много работала на войне как сестра милосердия. И поехал туда.

В. Д.: А он вернулся потом в Киев?

В. Ш.: Кто?

В. Д.: Василек.

В. Ш.: Он позже вернулся в Киев.

В. Д.: Защищать.

В. Ш.: Позже вернулся. Я приехал туда, значит, в Екатеринодар — в Екатеринодаре они были, не в Ростове, а в Екатеринодаре, теперешнем Краснодаре. Там, значит, был Деникин, Драгомиров в качестве как бы правительства, только «как бы», потому что Деникин упорно говорил: «Правительство будет в Москве. Никаких правительств тут быть не может». А это называлось Особое совещание, во главе которого стоял Деникин как командующий, помощник его вообще по управлению — генерал Драгомиров Абрам Михайлович, сын знаменитого Михаила Драгомирова. Потом там же работал Лукомский. А я вошел в это правительство — не правительство, а какое-то совещание как бы министр без портфеля.

Командный состав Добровольческой армии: генералы А. П. Богаевский, А. И. Деникин, П. Н. Краснов. Станция Чир. 1918 г. Источник: wikipedia.org

В. Д.: И это называлось Особое совещание при главнокомандующем Добровольческой армии?

В. Ш.: Да. Причем, я вам должен сказать, что, собственно тогда главнокомандующим был не Деникин, а Алексеев, тот Алексеев, который был... командовал всей русской армией. И вот в Новочеркасске я у него был, он еще там был, и он по одному стал собирать Добровольческую армию. Я у него записался двадцать девятым. И было у него тогда в столе (жил он в вагоне) двадцать тысяч рублей — всё! Вот с этого началась Добровольческая армия.

Ну вот, тогда я сказал: «Я буду издавать газету — „Россия“ под названием». И так как у меня были помощники всякие, то и вышло очень быстро, начала выходить «Россия».

В. Д.: В Екатеринодаре?

В. Ш.: В Екатеринодаре, да. Сначала вышли затруднения. Я выпустил несколько номеров, которые не понравились Деникину. Меня позвали. Председательствовал Алексеев, был Деникин, начальник штаба (я забыл, как его звали), и Драгомиров.

В. Д.: Каледин уже застрелился?

В. Ш.: Что?

В. Д.: Каледин уже к этому времени застрелился.

В. Ш.: Да! Каледин, вообще, там, на Дону...

В. Д.: В Новочеркасске.

В. Ш.: Да, в Новочеркасске. И вот Алексеев сказал: «Вот, знаете, вы так пишете немножко резко, вот Антон Иванович скажет...» (Антон Иванович — это был Деникин.) Я выслушал. Он говорит: «Вот вы говорите такие некоторые... называете „чернь“ вместо „народ“. Потом вообще таким резким языком, потом вы определенно ставите вопрос о монархии. Конечно, 80% офицеров у меня монархисты, но пока еще мы не выпираем этого вопроса...»

В. Д.: Понятно, он как политик подошел.

В. Ш.: «Казачи, — говорит, — равнодушны, они скорее республиканцы. Я лично ничего не имею против конституционной монархии, но и республика, если толковая, — отчего не быть?» Вот в таком роде говорил Деникин. Я слушал это, а потом сказал: «Я приехал сюда для того, чтобы вам помогать. За то время, как мы не виделись с генералом Алексеевым, создалась армия. Сейчас это не та армия, в которой я был 29-м, сейчас это уже армия, и денег есть тоже...».

В. Д.: В каком «29-м»? Вы оговорились что-то...

В. Ш.: Я записался...

В. Д.: А! В которую вы записались 29-м по счету добровольцем?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Так, простите, это я...

В. Ш.: Вот. «...Я приехал помогать, а не мешать. Поэтому я ничего не буду возражать, просто... Я не буду делать скандала. Я не закрою „России“, но я писать не буду. Будет выходить „Россия“ без меня».

В. Д.: То есть вы хотели сделать «Россию» органом воинствующего монархизма, а Деникин, не как генерал, а как политик, практически возглавлявший Белое движение в этот момент, то есть начинавший возглавлять, понял, что это может оттолкнуть широкие... сузить базу этого движения — так я понимаю?

В. Ш.: Да, примерно так. Тут вступился Драгомиров и сказал: «Мы, военные, знаем, что лучшая оборона — наступление. Мы знаем Василия Витальевича давно по Киеву: он всегда так шел смело, и поэтому это и свойственно его перу». А этот начальник штаба сказал: «Ну, как же вы не будете писать? А кто ж напишет о Краснове? Кто же это может сделать кроме вас?»

В. Д.: О Краснове?

В. Ш.: Краснове, который там финтил, что называется. О Скоропадском?

В. Д.: А Краснов же вообще с этими, с немцами был, нет?

В. Ш.: Так нет! Ну как вам сказать? Наполовину! Словом, он был такой какой-то неверный, Краснов.

В. Д.: То есть «кто напишет о Краснове» — означало в данном контексте — «а кто напишет против Краснова, разоблачающее его двуличность?»

В. Ш.: Да-да-да.

В. Д.: Так, понятно.

В. Ш.: Деникин глубоко задумался и сказал: «Пишите что хотите». Это было характерно для Деникина: «Пишите что хотите! Мы вмешиваться не будем, только обозначьте в „России“, что это частное издание — на манжетке, потому что считается, что это издание, так сказать, армии, но так как мы немножко расходимся, то это...» Я говорю: «Это я сделал».

В. Д.: Значит, «Россия» была органом кого — Шульгина или какой-нибудь все-таки организации?

В. Ш.: Шульгина. Было даже написано на ней потом, когда я ушел: «Основана Шульгиным». А деньги мы получали... Такой был у меня сотрудник один из Киева, у него были большие средства, и он это все убухал на это. Он был золотой человек. У меня было, значит, два помощника. Один — полковник, другой тоже такой... Потом у меня был такой маленький секретариат, который состоял из моего сына, уже выздоровевшего, и двух студентов, они мне каждое утро подавали огромную такую тетрадь, где [были] вырезки из газет, и я по ним писал. Словом, я был обставлен хорошо.

В. Д.: Вы были редактором большой газеты?

В. Ш.: Да.

В. Д.: В которой вы были, собственно, и редактором, и издателем.

В. Ш.: Издателем? Да... скорее, был этот... Владимир Германович.

В. Д.: Вот этот Ромашов, что ли?

В. Ш.: Что?

В. Д.: Вот этот... Как его фамилия? Владелец...

В. Ш.: Иозефи, он был гласным в Киеве.

В. Д.: Иозефи.

В. Ш.: Да, от слова Иосиф.

В. Д.: Ага. Понятно.

В. Ш.: Вот мы и работали. Через месяц мы где-то встретились с Деникиным. Он говорит: «Эти самые здешние украинствующие кубанцы, так они сказали, что они закроют „Россию“. А я им сказал: „Попробуйте!“ То есть за этот месяц я выровнялся с ними и уже без „России“ нельзя было обходиться. Вот так. А потом я был вызван на так называемое яское совещание. Город Яссы.

В. Д.: Это Молдавия, да.

В. Ш.: Это в Румынии. В то время это...

В. Д.: Это Бессарабия.

В. Ш.: В то время там была столица Румынии, в Яссах. Ну, там я пережил большое горе, личное большое.

Уход из «России»

В. Д.: Что, потеряли...

В. Ш.: Потерял, вот, я свою секретаршу. Она умерла от испанки. Я тогда, когда вернулся в Екатеринодар, я сказал Деникину: «Я не могу больше у вас работать». — «Ну, не можете — так не можете». И вот я тогда стал работать со своим этим Гри-Гри,

моряком, который выстраивал на Азовском море какое-то такое судно, на котором я был рулевым.

В. Д.: Были кем?

В. Ш.: Рулевым.

В. Д.: Ах, рулевым!

В. Ш.: Да.

В. Д.: А сын уехал?

В. Ш.: Сын уехал через некоторое время в Киев, к матери.

В. Д.: И там погиб.

В. Ш.: И там погиб.

В. Д.: А жена не с вами была?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: Она оставалась в Киеве?

В. Ш.: Она оставалась в Киеве. Она приехала уже... Куда она приехала? Мне кажется, в Одессу...

В. Д.: Значит, она пережила эту смену властей в Киеве?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Ну, а вы, когда сказали, что «я уйду», то что значит «уйду»? Куда вы могли уйти?

В. Ш.: Кто?

В. Д.: Вы. Ведь вы сказали...

В. Ш.: Вот, пойду куда-нибудь там... запишусь в какую-нибудь часть.

В. Д.: И стали рулевым...

В. Ш.: Стал рулевым в чине мичмана.

В. Д.: Значит, вы ушли из большой политики?

В. Ш.: Да, ушел.

В. Д.: Вы перестали быть, отчасти под влиянием вот этого личного потрясения...

В. Ш.: Да.

В. Д.: Что близкий вам человек умер. Вы ушли из большой политики. А никакого, так сказать, никаких таких крутых стычек и размежевания с этой средой у вас не было? Вы ушли по-мирному?

В. Ш.: Нет, наоборот. Потом, когда это... возник вопрос... Колчак надвигался, и предполагалось подчинить Деникина Колчаку.

В. Д.: Как Верховному правителю России.

В. Ш.: Да. Мы были против этого, а Деникин подчинился.

В. Д.: Деникин подчинился для единства всех контрреволюционных сил.

В. Ш.: Перед тем была мысль подчиниться великому князю Николаю Николаевичу, который жил в Крыму.

В. Д.: Он еще был..?

В. Ш.: И меня просили переслать письмо от Деникина... там и Родзянко был... Что?

В. Д.: И Родзянко хотел подчиниться Николаю Николаевичу? Родзянко поддерживал эту идею?

В. Ш.: Да Родзянко ж был ничем.

В. Д.: Ну, да, но в прошлом он был все-таки председателем Государственной думы.

В. Ш.: Ну да, но в данное время речь шла не о подчинении Родзянки, а о подчинении Деникина Николаю Николаевичу.

В. Д.: Так. И Родзянко эту идею поддерживал?

В. Ш.: Поддерживал. Вот мне поручили переслать это письмо. Это было довольно трудно. Но у меня была «Азбука»⁴, я выбрал такую... ее псевдоним по «Азбуке» был Принцесса, воспитанная такая женщина... Я ей дал это письмо и отправил ее. Она добралась туда, сначала до жены его, черногорки, а потом это письмо было передано Великому князю. Он отказался.

⁴ «Азбука» — тайная организация Белого движения, которую с 1918 г. возглавлял Шульгин. Просуществовала до 1920 г.

В. Д.: Он отказался?

В. Ш.: Отказался.

В. Д.: А ему предлагали что?

В. Ш.: Объединить...

В. Д.: В качестве кого?

В. Ш.: ...стать во главе...

В. Д.: Стать главнокомандующим или монархом?

В. Ш.: Нет, о монархии не шло дело, нет — вот, во главе Белой армии.

В. Д.: Он отказался... Но он уже стар был в это время.

В. Ш.: Потому что Деникин, он тяготился. Он чувствовал, что не по нем эта власть. Он не был Врангель. Врангель, тот никакой властью не тяготился. Это разные психологические типы совершенно. Врангель был рожден для власти. Если бы ему по какому-нибудь плебисциту, скажем, предложили корону, он бы принял.

В. Д.: А там, по-моему, и была такая даже идея одно время. Во всяком случае, в советской прессе она отражена, в сатирическом плане.

В. Ш.: Ну да, это возможно.

В. Д.: Что он манифесты издавал, барон...

В. Ш.: Нет, манифесты он не издавал.

В. Д. (про себя): Барон фон Врангель... манифест...

В. Ш.: Он не издавал. Он поссорился с Деникиным, и ходило такое письмо его между офицерством, так что Деникин даже Врангеля выслал в Константинополь.

В. Д.: Он потом вернулся.

В. Ш.: Тогда он вернулся, когда Деникин ушел.

В. Д.: Погодите, это уже позже. А вот здесь мне очень интересно проследить как раз его внутренний... У меня есть к этому даже особый интерес: особо я тем временем занимался. А идея превращения... объединения Белого движения под эгидой Колчака...

В. Ш.: Тоже была.

В. Д.: ...она предшествовала идее объединения под руководством Николая Николаевича?

В. Ш.: Вы знаете, вот это я не помню.

В. Д.: Это вы не помните?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Но у Колчака... у Колчака с этим самым Деникиным прямого контакта не было, просто они были территориально разорваны? Они не встречались?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: Самолетов тогда не было...

В. Ш.: Нет-нет.

В. Д.: ...смыкания фронтов не произошло...

В. Ш.: Самолеты были.

В. Д.: Но во всяком случае на них дипломаты не летали.

В. Ш.: На них полетел летчик, который... Это странный эпизод. Пошли... Кавалерия наша пошла на север, и дошли уже...

В. Д.: До Воронежа.

В. Ш.: ...до Рязани.

В. Д.: Это Шкуро?

В. Ш.: Нет, какой Шкуро? Нет! Специально собранный кулак, сильный кулак, который... Ведь почему Врангель так и обиделся на Деникина: он думал, что он ему даст это — он же кавалеристом был. А дали...

В. Д.: Шкуро?

В. Ш.: Не-е-ет! Артамонову какому-то. И вот они пошли, пошли, пошли, потом шлют совершенно дурацкие телеграммы: «Двигаемся, везем Дону богатые подарки, иконы...» и все прочее такое — словом, чудили. И Деникин послал единственного летчика с тем, чтобы найти этот отряд, эту группу. Это же группа в конце концов не такая большая — как ее с высоты отыщешь? Но он нашел, с приказанием вернуться. И они вернулись.

В. Д.: Это какой-то был не совсем понятный по цели рейд по советским тылам?

В. Ш.: Нет, это был рейд на Москву.

В. Д.: Ну, какой смысл посылать на Москву небольшой отряд кавалеристов?

В. Ш.: Ну, все-таки такой, что он двигался — сопротивляться ему никто не мог.

В. Д.: Ну, просто он прошел как-то обходным путем...

В. Ш.: Нет-нет-нет, это вы ошибаетесь. Он мог занять Москву. Если бы во главе его был Врангель, он бы занял Москву.

В. Д.: В Москве в это время тоже уже была армия.

В. Ш.: Ну, еще не было тогда такой, которая образовалась потом.

В. Д.: То есть вы говорите: это эпизод до великого как его называли, прохода, то есть это еще конец 18-го года, а не 19-й? Ведь потом-то Деникин к Туле подходил, но это уже было позже. Это была уже весна 19-го года. А деникинская кавалерия, мамонтовская, Мамонтова заняла Воронеж.

В. Ш.: В Туле не были.

В. Д.: В Туле не были. Взяли Орел...

В. Ш.: В Рязани были. А в Орле уже издавалась моя газета. У меня был намечен план пяти газет.

В. Д.: Вот этот план пяти газет относился уже, очевидно, к весне 19-го года? Так? В 18-м году это не могло еще быть такого плана у вас. Просто это было бы еще прожектерством, так сказать. Вы о чем говорите? И где вы хотели эти газеты издавать?

В. Ш.: Ростов, или Екатеринодар...

В. Д.: Так, раз...

В. Ш.: Одесса...

В. Д.: Одесса была подвластна деникинскому командованию?

В. Ш.: Да. Потом... Одесса — это, значит, юг... Киев, Харьков, и главное, которая уже издавалась в Орле, которая должна была перейти в Москву.

В. Д.: Ага, то есть это вы говорите...

В. Ш.: Пятиугольник.

Киев после гетмана

В. Д.: Пятиугольник. Вот что меня очень тут интересует. Значит, уже ситуация совсем другая, когда вы приехали, уже... Значит, там в Киеве погиб ваш сын, и в тот же день или в те же дни сбежал гетман... И в Киеве сидит уже кто? Петлюра? Или красные? Петлюра?

В. Ш.: Да, Петлюра занял Киев.

В. Д.: А какую ж вы могли думать издавать газету при Петлюре? Или это была перспектива?..

В. Ш.: Это раньше было.

В. Д.: Когда вы этот план составили?

В. Ш.: Раньше, тогда, когда это можно было.

В. Д.: Когда еще был Скоропадский? Вряд ли.

В. Ш.: Нет. Тогда, когда я был уже в Добровольческой армии, после того, как я уже основал газету «Россия» в Екатеринодаре...

В. Д.: Так.

В. Ш.: Вот в это время.

В. Д.: Ну, армия, значит... Ведь вы как раз... Значит, все наступление, то есть два наступления было Деникина: весной и потом в сентябре — октябре. Так?

В. Ш.: Я не помню.

В. Д.: Не помните этого?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: И вы, значит, провели в Добровольческой армии всю ее, так сказать, основную историю: вы записались 29-м добровольцем, а потом участвовали в этих двух походах на Москву. Что двух — это я просто по газетам того времени знаю, потому что я их изучал, газеты за 19-й год. И вот самый драматический момент для красных — это был октябрь 1919 года: значит, Деникин взял Орел, это было... И первые успехи красных в контрнаступлении — это 20 — 21 октября. Вот мне интересны вот какие два момента: один более поздний, более ранний и другой тот, что я сейчас назвал. С одной стороны, как отразилась на Добровольческой армии и на вашей, в частности, позиции известие о революции в Германии и разрыве Брестского договора. Это, значит, ноябрь 18-го года. И вот момент перелома на фронте, когда Белая армия начала отступать,

то есть это уже октябрь 19-го года. Мы все время в пределах этого времени и говорим.

В. Ш.: Если память мне не изменяет, 11-го ноября...

В. Д.: 18-го года...

В. Ш.: ...по-новому было заключено перемирие с Германией, капитулировала Германия.

В. Д.: Да, 19-го года. 11-го ноября 19-го года — перемирие с союзниками.

В. Ш.: Это какая, вторая война?

В. Д.: Да нет, что вы!

В. Ш.: Первая, первая.

В. Д.: Первая. 9-го ноября в Германии вспыхнула революция и Вильгельм II был свергнут. Через несколько дней (уж 11 или там еще какого-то, какое число я не помню), через несколько дней то правительство коалиционное, которое взяло власть в свои руки, так сказать, согласилось вести переговоры на выдвинутых союзникам условиях. Практически... Ну, что там в Европе было, не наше дело, но практически что? Немцы стали уходить из занятых ими областей, то есть и с Украины, и из Крыма, и всюду. Это не на ваших глазах было?

В. Ш.: Нет, я был в Добровольческой армии. Но это было именно тогда, когда погиб мой сын. Вот тогда они уже ушли.

В. Д.: Когда погиб ваш сын. Но вы там не были?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: А вот там, где вы были в это время, то есть в Добровольческой армии, это... Ведь, понимаете ли, тем самым... Это произвело большое впечатление? Ведь тем самым изменилась коренным образом ситуация.

В. Ш.: Ну, конечно, произвело впечатление.

В. Д.: Ведь вы же... Большевики с немцами вроде. А оказался их расчет верен, и Брестский мир был разорван. Что дальше, что в это время... Вот эти все союзнические связи, о которых вы так ярко рассказали, в Киеве, как-нибудь для вас это продолжалось? Или вы в это время были... вот я не совсем понял... Вы поступили куда-то там рулевым. Так?

В. Ш.: Да.

В. Д.: А потом, говорите, «у меня был план пять газет издавать». Так не рулевой же издавал пять газет?

В. Ш.: Так ведь это же кончилось или раньше это было — это я не помню.

В. Д.: Это не помните? Ну, не помните и не помните, не настаиваю. Тогда пойдём дальше. А момент ухода Деникина вы помните?

Уход Деникина. Врангель

В. Ш.: Деникин ушел из Севастополя, из Севастополя ушел, написавши приказ из двух статей: Армия перестала мне верить, я перестал верить армии. Назначаю главнокомандующим генерала Врангеля.

В. Д.: Вот это я не знал.

В. Ш.: Да. Вы не знали?

В. Д.: Нет, что такой приказ был, не знал. Значит, он ушел добровольно?

В. Ш.: Он сделал это добровольно. Но в это время собрались в Севастополе высшие чины, которые там были, армии: там, значит, генералы, полковники, Драгомиров и так далее, и так далее. И там сказали, что (но это он и сам чувствовал), что надо уходить, и он в такой форме и сделал, и сделал это красиво, потому что этого самого Врангеля, которого он выслал, который был в Константинополе, он его и назначил.

В. Д.: Сам назначил?

В. Ш.: Сам назначил. И это было передано Врангелю английским адмиралом. Это Врангель мне рассказывал.

В. Д.: Врангель вам рассказывал?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Значит, вы с Врангелем встречались тоже?

В. Ш.: Господи! Он, значит, [говорил мне, что] явился ко мне и сказал: «Генерал, я привез вам два известия...»

В. Д.: Кто явился?

В. Ш.: Английский адмирал.

В. Д.: К вам пришел?

В. Ш.: К Врангелю, находившемуся в Константинополе.

В. Д.: Ах, так! Понял, простите. Так.

В. Ш.: «...одно: что вы избраны Советом высших чинов Добровольческой армии главнокомандующим. А другое, что сообщая я, конечно, с сожалением: я получил указание от своего правительства, что мы вам больше помогать не будем».

В. Д.: Это решение...

В. Ш.: Решение английского правительства.

В. Д.: Это 18-го декабря было такое решение.

В. Ш.: «На это, — рассказывал мне Врангель, — я ответил: „Если бы вы мне не сообщили, что вы отказываете нам в помощи, то я не принял бы командование Добровольческой армии. Но так как они остаются сейчас совершенно беспризорные, то я принимаю звание и прошу вас дать мне возможность туда проехать“». Он дал ему какой-то миноносец, но с пути телеграфировал врач, что Врангель не выносит морской качки (очень была погода такая) и что это грозит жизнью. На это сейчас же было послано большое судно, которое его сняло с этого миноносца и доставило в Севастополь. Вот с этого и началось.

В. Д.: Очень драматичный момент.

В. Ш.: Он взял себе в правительство Кривошеина, известного министра царского правительства, очень умного, дельного человека, который, в частности, ввел столыпинскую реформу и занимался особенно переселением в Сибирь. Ведь в хорошие годы через Урал переваливало полмиллиона людей. Иногда некоторая часть возвращалась, но огромное большинство оседало. Почему? Потому что они посылали сначала ходоков, которые осматривали, что им предлагали. И тогда они собирались со всем скарбом: с лошадьми, коровами, всем, что у них было. Им давали теплушки, которые их привозили на новые места, и они там обосновывались.

В. Д.: Освоение целины.

В. Ш.: Что?

В. Д.: То, что теперь называлось у нас освоение целины. *(Усмехается.)*

В. Ш.: Освоение целины?

В. Д.: Да.

В. Ш.: Нет, это не была целина.

В. Д.: Но там же было много свободных земель.

В. Ш.: Да, много, но, видите ли... Да, пожалуй, это целина была, что там еще никто не работал... Пожалуй, что так.

В. Д.: Это правительство Врангеля. О самом Врангеле немножко расскажите. Во-первых, он какого происхождения был, немецкого?

В. Ш.: Нет, нет...

В. Д.: Барон фон Врангель.

В. Ш.: Он швед. Первые Врангели высадились на нашем побережье еще в XII веке.

В. Д.: Потрясающе. Очень интересно.

В. Ш.: Да. Но они были в разных местах. Это были типичные варяги. Они были всюду. До последнего времени стоял памятник Врангелю в Берлине. Они сидели и в Рагузе.

В. Д.: Где?

В. Ш.: В Рагузе.

В. Д.: Рагузе?

В. Ш.: Ну, да, Рагуза — Дубровник.

В. Д.: Я не знаю, где это.

В. Ш.: Ну, голубчик, этого же нельзя же...

В. Д.: Ну, стыдно, может быть, но... Скажите, интересно... Рагуза Дубровник?

В. Ш.: Да, древнейшая такая республика, которая подражала Венеции.

В. Д.: И где она была?

В. Ш.: Рагуза? Теперешняя Югославия.

В. Д.: А-а-а! А я ищу мысленно на севере.

В. Ш.: Ну, словом... В Сицилии они сидели, варяги, ну, между ними и Врангели. Затем дальнейшего я не знаю, но...

В. Д.: Я знаю полярного исследователя.

В. Ш.: ...в Полтавской битве пало на стороне Карла XII семнадцать Врангелей. Это я знаю из энциклопедического словаря. Ну,

сколько было взято в плен, неизвестно, но, во всяком случае, эти взятые в плен обрусели и через некоторое время уже считали себя русскими.

В. Д.: Русскими дворянами.

В. Ш.: Да, сохраняя баронский титул.

В. Д.: Был же полярный исследователь — Врангель.

В. Ш.: Был и остров Врангеля.

В. Д.: Он и есть.

В. Ш.: Да. А мне говорил Петр Николаевич: «Конечно, наш род очень военный. У нас было в роду пять фельдмаршалов и три адмирала». Но был и поэт Врангель, то есть композитор Врангель, романсы писал.

В. Д.: Интересно.

В. Ш.: Отец его не был политиком, отец, и так у них... Вот он был более либеральный, Петр Николаевич, а отец был строгий консерватор.

В. Д.: Нашего времени Врангель — это Петр Николаевич?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Он был более либеральный?

В. Ш.: Да-а-а, конечно!

В. Д.: А по сравнению с Деникиным...

В. Ш.: Когда, когда он уже был в Крыму (он же был крымский барон), чем он занимался, кроме войны? Он был бедный, а жена его была богата, урожденная Иваненко, и именно была богата в Крыму: там у нее были большие виноградники. Чем же он занимался? Он раздал их на хутора там в этом, в Крыму, продолжая войну. И вообще когда я туда прибыл, мне говорили некоторые с сожалением: «О-о-о! У нас сейчас с мужиками цацкаются и... (были там и грабежи, и все) это нельзя, потому что вслед за армией движется Ронжин генерал, который наводит порядок».

В. Д.: Раншин генерал?

В. Ш.: Ронжин.

В. Д.: Ронжин. А это что, такой каратель был? В каком смысле? Какие порядки наводит?

В. Ш.: Он был, ну, военный судья.

В. Д.: То есть нет беспорядков со стороны мужиков?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: Или со стороны помещиков?

В. Ш.: Да там помещиков уже никаких не было. Нет, со стороны военных.

В. Д.: Военных. Ах, что не мародерствуют.

В. Ш.: Да, вообще... Ну, например, был такой Слащев. Может быть, вы слышали?

В. Д.: Слышал.

В. Ш.: Это был в общем гвардейский человек, с Врангелем на «ты», но он... мужественный человек, но... Вот что мне рассказал Петр Николаевич лично. Когда я пришел во время... Помните, было Кронштадтское восстание?

В. Д.: Помню, 21-й год, март.

В. Ш.: 21-й год?

В. Д.: Да.

В. Ш.: В это время пришли из Одессы сведения, что нечто в этом роде произошло в Одессе, только восстали не военные, а так называемые ропитовцы. Вы знаете, что такое РОПИТ?

В. Д.: Нет.

В. Ш.: Русское общество пароходства и торговли. У них были большие мастерские, они плавали вокруг всего света во Владивосток. И будто бы ропитовцы восстали против Советов и ищут руководства. Тогда я приехал к Врангелю и говорю вот что...

В. Д.: А Одесса уже была занята красными?

В. Ш.: Да. ...к Врангелю и говорю: «Я уже имею некоторый навык, как делать правительство в Одессе, потому что я его уже раз делал, но я командовать не могу. Мне нужно генерала, популярного генерала. Я знаю все, что произошло у вас со Слащевым, но другого нет. Дайте мне Слащева, я подойду к Одессе под белым флагом, поставлю правительство, а Слащев будет командовать». Он мне на это ответил: «Вы знаете, я, — говорит Петр Николаевич, — хорошо знаю Слащева. Но вот что было. Он совершенно испортил мне операцию в Каховке. Почему? Днем кокаин, вечером водка...»

В. Д.: Это кто, Слащев?

В. Ш.: Слащев. «...Результатом этого: утром телеграмма мне: „Гоню красную сволочь“, вечером: „Все пропало“. Я вижу, что человек совершенно сбился с панталыку, взял себе денщиком какую-то бабу. Когда он ездил к ней, над ним летает какой-то орел — в общем, какой-то уже психопат стал. Я ему, значит, сказал, чтобы приехал ко мне. Он приехал (в Севастополь, значит). Я ему говорю: «Вот что: или я тебя убираю со всем почетом, с титулом Слащев-крымский (как Потемкин-таврический, Слащев-крымский); или же под суд». «Почему под суд?» — «Потому что ты занимаешься бог знает чем. Вот тут была почтенная жена действительного статского советника, вдова, у нее какие-то были денежки, тридцать тысяч что ли. Так ее ликвидировали из-за этих денег...»

В. Д.: Чистый грабеж!

В. Ш.: Да. «...твои молодцы». — «Да почему мои молодцы?» — «А читай!» Он читает: «Такую-то вывести в расход». Подпись «Слащев» — «Ну, я был пьян» — «Был пьян? Все равно, я тебя отдам под суд». Тогда он выбрал «Слащева-крымского» и уехал, уехал в Константинополь и там опять стал бесчинствовать. Так что я вам не могу дать его, для того чтобы пойти с белым флагом к Одессе».

В. Д.: Это все излагает Врангель?

В. Ш.: Да. Но оказалось потом, что все это вранье, никакого восстания ропитовцев не было. Вы меня спрашивали о Врангеле. Вот я вам рассказываю о нем. Когда я у него был в Царицыне... Он только что взял Царицын — это, кажется, ваши советские историки отрицают...

В. Д.: Когда?

В. Ш.: В 20-м году.

В. Д.: А-а-а!

В. Ш.: Я туда переехал к нему, пересек эту степь огромную, где, знаете... такая степь: солончаки и даже миражи там можно было видеть. Жара была совершенно потрясающая! Я там заболел. Но во всяком случае я побывал у Врангеля, который только что встал от сыпного тифа. И вот он мне тогда говорил: «Знаете что, сейчас наша вся печать ставит ставку на одно лицо. Но допустите, что несколько лиц скачет на Москву. Ваша задача будет, когда это осуществится, переключить все надежды на то лицо, которое Москву возьмет». Он имел в виду себя. Вот там было сказано.

(Перерыв в записи.)

В. Д.: Вы знаете...

В. Ш.: Он был очень честлюбив.

В. Д.: ...сообщение в газетах, что в Крыму предполагается коронация барона Врангеля.

В. Ш.: Ну, это вранье, этого не предполагалось, но в Москве и после соответствующей подготовки он бы, конечно, принял.

В. Д.: То есть это психологически вероятно, но фактически не было, так?

В. Ш.: Да, конечно.

В. Д.: И вы что в первый раз встретились с Врангелем в Царицыне?

В. Ш.: Нет, это было во время гетмана в Киеве. Он ко мне приехал вместе с герцогом Лейхтенбергским, такой был <нрзб> высокие, высоченные. И вот там мы познакомились... И он сказал: «Я, — говорит, — колеблюсь, ехать ли мне в Добровольческую армию. Я, — говорит, — год болтался, и пробовал как-нибудь договориться с немцами — невозможно. С ними нельзя разговаривать. Вот теперь не знаю, ехать ли мне туда. Как вы их расцениваете?» (Белую армию). Я говорю: «Расцениваю хорошо, я сам собираюсь туда». Вот он вскоре после этого поехал.

В. Д.: Но не поладил с Деникиным.

В. Ш.: Это позже. Сначала он поладил, ему дали так называемую Кавказскую армию, в которой на самом деле были казаки. А надо вам сказать, что Врангель был почетный казак: он еще в Манчжурскую кампанию с ними сблизился. Казаков он прекрасно знал и умел с ними ладить и умел их умирять. Он мне целую историю об этом рассказал.

П. Н. Врангель. Источник: wikipedia.org

В. Д.: Ах, поэтому он носил черкеску?

В. Ш.: Да, вероятно, так.

В. Д.: Он в черкеске ходил, вы видели?

В. Ш.: Да, в черкеске, с патронами, и папаха. Высо-о-окий, длинный-предлинный. Любил так иногда пирушки, иногда танцевал лезгинку, причём...

В. Д.: Даже?

В. Ш.: ...из револьвера все время под ноги стреляли. А его жена, очень умная, хорошая женщина, мне рассказывала, что он очень кутил. Раньше еще, до войны. И вот она думала как его: начать пилить — да он меня возненавидит, надо как-нибудь иначе. И вот что она сделала. Приходит как-то Врангель уже утром. Видит: она сидит, пьет кофе. «Почему ты так рано встала?» Она говорит: «Я не рано встала, а я не ложила» — «Почему же?» — «Я тебя поджидала. Так ночь прошла» — «Безобразия!» Ну, а потом таким способом она его довела до того, что перестал... Стал приходить в нормальное время и перестал кутить — бросил. Умная женщина может много сделать.

А он, когда мы жили вместе там в Югославии, мы часто с ним ходили гулять. Он ходил такими шагами, что трудно поспеть за ним. Мы много говорили, рассказывали. Он говорил: «Знаете, на свете есть только два интересных занятия: война и охота» (*Оба усмеваются.*) Ну, последнее время он занимался и политикой уже там в Крыму. Это тоже он считал интересным.

В. Д.: Ну, такая формулировка, что на свете только два интересных занятия: война и охота — обличает все-таки человека недалекого.

В. Ш.: Нет, далекого, и человека, обладавшего известным предвидением, но определенной складки: военной...

В. Д.: Военной косточки.

В. Ш.: Да, косточки.

В. Д.: Черкеска... на некоторых карикатурах и картинках его рисовали в белой черкеске, а на некоторых — в черной. Вы его видели вообще?

В. Ш.: В белой я не видел, а в черной видел.

В. Д.: В черной видели?

В. Ш.: Да.

В. Д.: «Глядя на ноги шагом резким шел Врангель в черной черкеске». В черной.

В. Ш.: Врангель он вообще был человеком легкий на подъем. Вот когда я туда прибыл, бежавши из Одессы...

В. Д.: Вы бежали из Одессы?

В. Ш.: Да-да, я же бежал из Одессы в 20-м году. На шлюпке. Тогда мой племянник Филипп остался там, и остался в тюрьме.

В. Д.: Я переспрошу. Вы бежали из Одессы в Крым?

В. Ш.: Да.

В. Д.: ...или...

В. Ш.: В Крым.

В. Д.: Я понял, что вы из Одессы в Румынию бежали.

В. Ш.: Да нет, я не бежал тогда, меня шторм бросил туда. А тут бежал с этими, вы же помните...

В. Д.: Это в «Двадцатом году» есть.

В. Ш.: Да-да.

В. Д.: Ну, тогда я не буду это спрашивать. Если это все там есть, то я... Просто я все-таки забыл...

В. Ш.: Ну, вот Врангель пригласил меня обедать. Я говорю: «Что я могу для вас сделать?» Так он говорит: «Знаете что, так мне надоело с этой дороговизной. Напишите статью о дороговизне». «Это, — я говорю, — могу, потому что у вас гораздо дешевле, чем в Одессе». Я написал эти статьи, потом замолк.

В. Д.: Это в какую же газету? Своя там была газета?

В. Ш.: А там была газета... Продолжалась эта самая... «Россия», основанная Шульгиным, но я не был уже хозяином.

В. Д.: Но напечатались.

В. Ш.: Да.

В. Д.: А хозяином кто был?

В. Ш.: Там у них целая коллегия. Это же друзья мои. Когда я там появился, так они прямо попадали из окна: «Мы обсуждаем шестую версию вашей гибели». А я вот тут. Ну, так вот я обратился к нему с просьбой, что вот там застрял мой племянник. Разрешите по радио предложить высшей одесской власти обменять моего племянника на одного большого большевика, который здесь. Он сказал: «Пожалуйста». Протелеграфировали, и дали... как они называют, отписку, что телеграмма получена. И одно время я думал, что я его спасу. А потом уже наши дрянь эта... при отходе из Крыма, там у нас были всякие большевики — они их расстреляли. В ответ на это расстреляли моего племянника.

Эвакуация. Эмиграция

В. Д.: Ах, когда уходили врангелевцы?

В. Ш.: Да. Врангелевская эвакуация была исключительно благоприятная, не сравнимая с деникинской. Деникинская была очень скверная эвакуация.

В. Д.: Врангелевская из Новороссийска была?

В. Ш.: Из разных мест.

В. Д.: А в каком... в чем разница?

В. Ш.: Разница была в том, что она была произведена в полном порядке, под видом десанта на Кубань, заготовлена была заранее, вышло что-то такое... 101 фраг (?), переполненных, и благоприятствовала погода. Погода была совершенно такая... тихая, и все это благополучно обрушилось на Константинополь.

В. Д.: Это в ноябре уже?

В. Ш.: Да.

В. Д.: В дни третьей годовщины Октябрьской революции.

В. Ш.: Да.

В. Д.: 15 ноября он дал приказ об эвакуации. А описания есть, что там как раз очень беспорядочная была, Врангеля.

В. Ш.: Что? Врангелевская?

В. Д.: Да.

В. Ш.: Порядочная. Это деникинская была скверная. А врангелевская была в порядке.

В. Д.: А вы наблюдали какую-нибудь из них?

В. Ш.: Я — нет. Но из лиц, мне близких, во-первых, мой племянник другой, брата, Саша, потом Гри-Гри и Мария Димитриевна свидетели этого.

В. Д.: Мария Димитриевна — тогда еще будущая ваша жена, да?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Вы женились позже?

В. Ш.: Да. Еще нет. Вот в особенности мне интересно было... Мой племянник Саша попал на корабль, которым командовал мой «азбучник» Гри-Гри. Мне так приятно было слушать Сашу, что он... он ужасный был ругатель и выделил этого... не зная, что он мне близок, выделил этого Гри-Гри: что, вот, толковый был человек.

В. Д.: Но разве Деникин из Крыма эвакуировался? Ведь войска-то... Я понял, что это просто передача была остатков армии. Ведь Перекоп-то был еще у...

В. Ш.: Да. Это верно, так как вы говорите, он передал, но эвакуация была.

В. Д.: Эвакуация армии или гражданских лиц?

В. Ш.: Да, скорее гражданских.

В. Д.: Из Новороссийска — там армия, конечно, бежала, из Новороссийска. А из Севастополя что ж было Деникину эвакуироваться? Там собирался новый кулак, причем при поддержке если не англичан, то французов, так?

В. Ш.: Да, до известной степени, потому что там все-таки был французский представитель, маленький этот... дипломат, но все-таки был, единственный. И мне поручили за ним ухаживать Гокье (?) такой.

В. Д.: Перекоп-то укрепляли французские инженеры?

В. Ш.: Нет, там не было французских инженеров. Там... вот как раз Саша там, мой племянник бедовал. «Там ужасно, — говорил, — я тебе написал пять писем...» Я ни одного не получил. У нас не было никаких инструментов: ни топоров, ничего... Просто открытое поле, ветер ужасный — ужасно, говорит, там было, в Перекопе, на Перекопе.

В. Д.: И вы эвакуировались с Врангелем таким образом?

В. Ш.: Я вообще не эвакуировался. Я был, значит, в Одессе, на острове Тендра, и оттуда хотел вывезти оставшихся там, из Одессы. И вот во время такого путешествия нас подхватил норд-ост и бросил в Румынию.

В. Д.: Это кого «вас»: вас с сыновьями...

В. Ш.: Нет.

В. Д.: ...или вас с группой...

В. Ш.: С группой... Ну, там было два рыбака-профессионала и потом несколько молодых офицеров.

В. Д.: И вы оказались в Румынии.

В. Ш.: Оказались в Румынии.

В. Д.: И уже потом только ваши индивидуальные поездки, в Добровольческую армию вы уже больше, естественно, не возвращались.

В. Ш.: Нет.

В. Д.: То есть уже некуда было возвращаться.

В. Ш.: Да.

В. Д.: Это было примерно одновременно с эвакуацией Врангеля?

В. Ш.: Вот это, что я...

В. Д.: Что вы попали в Румынию.

В. Ш.: Подождите... Да, это еще был Врангель.

В. Д.: И куда же вы... где ж вы в Румынии осели?

В. Ш.: В устье Днестра мы попали, страшным штормом. Только благодаря опытности этих наших рыбаков, мы вскочили. И там так было. Мы сначала были на берегу там, бедовали, а потом нас перевели в этот... куда там... в Кишинев что ли... нет. Кто там?

В. Д.: Ну, тут румыны заняли Бессарабию. Граница наша, советская пошла по Днестру, а она шла по Пруту.

В. Ш.: Ну, еще Советов там не было. А мы попали сразу... И там нас держали в полуплену.

В. Д.: Кто, румыны?

В. Ш.: Да местная власть. Ну как? Гостиница, и там мы познакомились с двумя девушками русскими, которые принесли к нам огромную корзину всякой еды и кормили нас. Мы с ними очень подружились. Эта Маргарита была немножко помешанная: один раз она кончала с собой, потом другой раз — кончила с собой.

В. Д.: Покончила с собою?

В. Ш.: Да. Она со мной дружила. «Понимаете, я поняла только, что ценю и люблю (в 18 лет) — власть!»

В. Д.: Она говорит?

В. Ш.: Да. «Расскажите мне про Врангеля — он властный!» Вот такая. Она была сумасшедшая. Красивая. Полуполька...

В. Д.: И тут, собственно, с этого момента, это как раз совпадает с концом книги «20-й год», с этого момента начинается эмигрантский период вашей жизни?

В. Д.: Да. Оттуда, значит, из Румынии, я попал... А куда я попал? В Константинополь, в Галлиполи я был... Но в 21-м году я опять был в Крыму.

В. Д.: Уже занятом Советами?

В. Ш.: Что?

В. Д.: Уже занятом советскими войсками?

В. Ш.: Да-да.

В. Д.: В подполье?

В. Ш.: В подполье.

В. Д.: Рискнули?

В. Ш.: Рискнул.

В. Д.: Вы поехали искать сына?

В. Ш.: Вот именно это, что... Я вам говорил, что 21-й год был интересен.

В. Д.: И это нигде не описано?

В. Ш.: Нет, это описано, но находится у кавторанга Красюкова.

В. Д.: Что это за кавторанг Красюков?

В. Ш.: Кавторанг — капитан второго ранга.

В. Д.: Это я понимаю. А кто он, что он... опять ваш?..

В. Ш.: Его отец адмирал при каком-то министре. Но отец относился ко мне отрицательно, поэтому я прячусь, когда он приезжает. А сын — наоборот, его жена, его девочка, то есть падчерица — все это мои друзья. А он страшно интересуется историей, страшно интересуется, ну, болезненно просто, и в особенности фамилией Шульгиных. Он их выкопал чуть ли не сорок человек, самых разнообразных.

В. Д.: Укажите все, так сказать, координаты, что вы знаете о нем, если с ним связаться. Значит, современный адмирал, сын современного адмирала, да?

В. Ш.: Да.

В. Д.: Советского адмирала?

В. Ш.: Советского.

В. Д.: Значит, Красюков...

В. Ш.: Не плавающего...

В. Д.: Не плавающего.

В. Ш.: А он плавал, но давно уже, он месяца два провел на экваторе.

В. Д.: Он, наверное, в антарктические экспедиции ездил?

В. Ш.: Нет-нет, как раз на экваторе-то он был. Они просто ходили по экватору...

В. Д.: Он ученый?

В. Ш.: Как ученый?

В. Д.: Ученый? Какой-нибудь, там, биолог, нет? Или просто...

В. Ш.: Нет-нет-нет. Он моряк, моряк, да.

В. Д.: Значит, Красюков (я хочу как можно точнее), Красюков... Имя — отчество? Не помните?

В. Ш.: Помню... Ростислав Григорьевич, кажется.

В. Д.: Ростислав Григорьевич. Это вот не отец, а тот сын, который с вами?

В. Ш.: Да, мой друг.

В. Д.: Примерный возраст?

В. Ш.: Ну, он молодой.

В. Д.: Лет пятьдесят?

В. Ш.: Не-е-ет, моложе.

В. Д.: Моложе даже? Адмирал? Моложе пятидесяти лет?

В. Ш.: Так он же не адмирал...

В. Д.: Ах, да, сын адмирала.

В. Ш.: ...это у него отец адмирал.

В. Д.: Ага, а он капитан второго ранга.

В. Ш.: Теперь. А то был третьего.

В. Д.: Ага. значит, капитан второго ранга, сын советского адмирала.

В. Ш.: Да.

В. Д.: Живет в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе?

В. Ш.: В Ленинграде жил до сих пор, но, может быть, перейдет в Москву.

В. Д.: Жил до сих пор в Ленинграде.

В. Ш.: Да. И я у него жил довольно долго.

В. Д.: Вот недавно, после тюрьмы?

В. Ш.: Я два раза у него жил. Один раз два месяца. А в этом году недолго.

В. Д.: И он что же вас записывал?

В. Ш.: Да-да.

В. Д.: Записывал просто карандашом...

В. Ш.: Да-да.

В. Д.: ...или стенограммой?

В. Ш.: Нет.

В. Д.: Просто вы ему диктовали?

В. Ш.: Да.

В. Д.: И вот историю 21-го года...

В. Ш.: Вот там описан этот поход неудачный...

В. Д.: Это ваша поездка в Крым с целью разыскать следы сына?

В. Ш.: Да. Из Варны.

В. Д.: Какого же сына? Про судьбу старшего вы знали...

В. Ш.: Старший был давно убит. Лялю.

В. Д.: Как?

В. Ш.: Лялю, второго.

В. Д.: Ляля. Как его звали? Ляля — это что, Алексей?

В. Ш.: Вениамин Васильевич.

В. Д.: Почему Ляля?

В. Ш.: Ну, так, потому что когда он родился, то старший, увидевший его, пальчиком ткнул и сказал: «Ляля». Ляля — значит кукла.

В. Д.: Ну, понятно. Значит, первый у вас Ва-си-ли...

В. Ш.: Василид.

В. Д.: Василид. А второй Виталий?

В. Ш.: Нет, Вениамин.

В. Д.: Вениамин, Вениамин. И у вас еще третий есть?

В. Ш.: Третий Димитрий.

В. Д.: И третий Дмитрий. Вениамин и Дмитрий сейчас в Америке, да?

В. Ш.: Да. Нет, Вениамин не в Америке. Димитрий в Америке.

В. Д.: Дмитрий в Америке, а Вениамин?

В. Ш.: А Вениамин же...

В. Д.: Погиб?

В. Ш.: Погиб, умер в сумасшедшем доме.

В. Д.: В советском?

В. Ш.: Да, в Виннице.

В. Д.: В Виннице. Значит, ему выбраться не удалось?

В. Ш.: Ему не удалось. Он был тяжело ранен Буденным в Крыму, под Курман-Кирманчи и потом некоторое время неизвестно где он был, а потом оказалось, что он в Виннице, в сумасшедшем доме, что я узнал от такой ясновидящей Анжелики. Это длинная история.

В. Д.: Так. Раз вы это тоже записали, то это тоже минуем. Значит, он... Вы ездили в 21-м году в Крым в целях поискать его след, но не напали, так? И вернулись опять... Куда?

В. Ш.: В Варну.

В. Д.: В Варну?

В. Ш.: Да.

В. Д.: То есть в Болгарию?

В. Ш.: В Болгарию.

В. Д.: Вернулись в Болгарию, а там в это время еще существовала Врангелевская армия, она еще не была распущена.

В. Ш.: Где?

В. Д.: В Болгарии...

В. Ш.: В Болгарии, да, еще существовала.

В. Д.: У Ленина есть просто об этом: Врангель разбит, но войска Врангеля существуют...

В. Ш.: ...и в Галлиполи... <нрзб>.

В. Д.: Итак, началось ваше эмигрантское... значит, с конца 21-го, ну, будем считать даже с 22-го по 41-й год, двадцатилетнее эмигрантское житие, потом война, и с 45-го года советская тюрьма. Так. Ну, вы очень устали. Через десять минут придет гостья. Надо мне немножко подготовить ее встречу. Мы на этом сейчас закончим. А завтра утром я все-таки вас еще помучаю (*усмехается*).

В. Ш.: Хорошо.

В. Д.: Я приду чуть-чуть не с утра, как я думал, а просто я перераспределил пленку: я оставил меньше, чем думал.

В. Ш.: Ночуете вы здесь?

В. Д.: Да.

В. Ш.: Хорошо.

В. Д.: На этом мы сегодня заканчиваем...